

После ночного ливня утро выдалось прозрачным и свежим. Яркое солнце заливало спальню, а из распахнутого окна тянуло приятной влагой.

Су Мо умывался, когда Хань Дун хлопнул его по плечу:

— Держи, новая щётка и полотенце.

Су Мо, чьё лицо было густо покрыто пеной, смыл её и обернулся.

— Чего смотришь? — Хань Дун усмехнулся. — Купил как-то лишнего, вот и пригодилось.

Су Мо принял щётку и, оглядевшись, взял стакан Хань Дуна. Когда он набрал воды, на щетине уже красовалась полоска пасты. Бросив короткий взгляд на сожителя, он принялся за чистку.

— Завтра ещё банное полотенце куплю, знаю же, какой ты чистюля, — Хань Дун набрал в рот воды и шумно сплюнул. — Вообще, перебирайся ко мне насовсем. Чего тебе мотаться?

Су Мо покосился на него, сплёвывая пену.

— Ну что, красавица моя, сходим позавтракать? Тут поблизости отличные шаомаи делают.

Су Мо не слишком жаловал это прозвище, но уже успел к нему привыкнуть, а потому просто кивнул.

— Дома поедем или в заведении?

Су Мо жестом показал: «Пойдём». Хань Дун довольно кивнул:

— Идёт. Местечко старое, проверенное. Когда я пацаном отсюда уезжал, у них отбоя от клиентов не было. Ещё восьмидесятые стояли, представляешь?

— Мо, после завтрака заглянем к Лян-цзы? — предложил Хань Дун уже за столом. — Не знаю, как он там. Каникулы эти... тоска одна, а не отдых.

Су Мо мельком глянул на него. Надо же, как быстро тот перешёл на «Мо». У Хань Дуна это выходило на редкость складно. Су Мо раньше слышал, что такие ветреные люди не придают значения словам. Для него все эти «красавица», «Сяо Мо», «малыш» были просто удобными ляпыками, за которыми не стояло ничего особенного — ляпнул и забыл.

Думая об этом, Су Мо посмотрел в зеркало, висевшее в зале. В отражении они с Хань Дуном смотрелись странно: тот был на полголовы выше, крепче сбит, хотя кожа у него была заметно темнее, чем у Су Мо.

Внезапно Хань Дун перехватил его взгляд. Почувствовав, как в сердце разливается смущение, он поспешно опустил голову и принялся полоскать рот, ощущая, как горят кончики ушей. Он боялся снова посмотреть в зеркало и увидеть там своё пунцовое лицо.

Он ждал, что Хань Дун начнёт подкалывать его, но тот промолчал.

Было восемь утра, когда они добрались до знаменитой лавки. Народу оказалось немного. Хань Дун заказал две порции шаомаев с говядиной, а Су Мо выбрал себе с курицей и грибами.

— Ещё чего-нибудь?

Су Мо качнул головой. Хань Дун оценил его худобу и обратился к хозяйке:

— Тётушка Ван, дайте ещё тарелочку солений, пару чайных яиц и миску каши.

— Будет сделано! — отозвалась хозяйка, вылавливая яйца из дымящегося котла.

— Ел бы ты побольше. С такой комплекцией тебя любой обидит, — Хань Дун очистил яйцо и положил его в тарелку Су Мо. — Ешь.

Яйца были напитаны пряным бульоном, пахли изумительно. Су Мо съел одно — действительно вкусно. Но когда Хань Дун подложил второе, он заартачился.

Хань Дун нахмурился, но, заметив, что Су Мо всерьёз не хочет, расплылся в улыбке:

— Давай-давай, слушайся старших. А то ешь как кошка, мне и на один зуб не хватит.

Су Мо посмотрел на него сокрушённо. Сухие яйца в него уже не лезли, и он отложил остаток на край тарелки. Хань Дун, не раздумывая, подцепил кусок палочками и отправил себе в рот.

— Ладно, не можешь — я доем.

Су Мо стало не по себе. Он никогда не доедал за другими и терпеть не мог, когда ели за ним. Назовите это брезгливостью или причудой, но он был таким всегда. Даже бельё он менял ежедневно и сразу стирал — иначе чувствовал себя не в своей тарелке.

— Слушай, а если я что-то оставлю, ты доешь? — спросил Хань Дун и тут же прочитал ответ по

лицу Су Мо. — Ясно. Белоручка.

Су Мо засуетился, пытаясь жестами объяснить, что дело не в пренебрежении, но как объясниться без слов? Хань Дун, видя его метания, лишь ухмыльнулся:

— Да ладно, не напрягайся. Знаю я, какой ты чистоплюй.

В кармане завибрировал телефон. Хань Дун нажал на приём:

— Да, дядя.

— Дун-цзы, я у тебя дома. Давай-ка в обед заглядывай, пропустим по паре стаканчиков.

— В каком именно доме?

— В каком-каком... у отца твоего.

— Не поеду я туда.

— Не упрямясь, живо давай.

— Ладно, разберёмся, — Хань Дун повесил трубку и мрачно отправил в рот последний шаомай.

— Зовут домой. Видеть их не хочу.

Су Мо осторожно коснулся его руки, проверяя, не грозит ли другу беда. Видений не было, и он облегчённо выдохнул.

— Всё в порядке? — уточнил Хань Дун.

Су Мо кивнул.

— Тогда я после завтрака заскочу туда ненадолго. А ты иди к Ляну сам.

Позавтракав, Су Мо сначала заглянул в их лавку. Су Цзинь ушёл туда спозаранку. Решив, что дел особо нет, Мо только после обеда отправился к другу.

Стоял погожий осенний день. Солнце пробивалось сквозь листву, рассыпая по земле золотые монетки бликов. На плечи Су Мо изредка опускались сухие листья.

Дома у Лян Циня обстановка была поспокойнее. Парень приходил в себя и разбирали вещи, оставшиеся после смерти бабушки Дан.

— Брат Лян, а это что? — спросил Тянь Сяюй.

Лян Цинь обернулся. В руках у мальчика была сберегательная книжка. Открыв её, Лян увидел сумму, которой при самом экономном раскладе хватило бы года на два.

— Лян, не переживай. У тебя есть мы, — Су Цзинь ободряюще сжал его плечо.

Лян Цинь вымученно улыбнулся:

— Прорвёмся. Я здоровый, руки есть — заработаю.

— Тебе в университет поступать надо. Бабушка Дан об этом мечтала, — напомнил Су Цзинь.

— Знаю.

Лян Цинь отложил книжку и вернулся к делам. Сяюй тут же пристроился рядом, стараясь помочь.

— Сяо Мо, я пойду домой, уроки сами себя не сделают. Как закончите тут — тоже не задерживайся, — бросил Су Цзинь.

Су Мо кивнул. Брат попрощался с Лян Цинем и ушёл.

Солнце клонилось к закату, окрашивая горизонт в оранжевые тона. Над старым городом разлился мягкий свет, и тень Су Мо длинным шлейфом тянулась за ним по мостовой.

— Эй! Вонючий немой, стоять!

Су Мо замер, но оборачиваться не стал. Ускорил шаг. Однако топот за спиной приближался. Страх заставил его обернуться, и в то же мгновение тяжёлый кулак врезался ему в лицо. Он отлетел к стене переулка, чувствительно ударившись головой.

В глазах поплыло. Очухавшись, он увидел, что окружён. Брат Ли... Ли Куо. И с ним ещё семеро — все как на подбор, здоровые лбы.

— Вонючий немой! Не ожидал, что я в первый же день после больницы тебя встречу? — Ли Куо скалился, потирая кулак. — Сама судьба свела. Если я сегодня за тот позор не расквитаюсь, я не Ли.

Тот удар Хань Дуна в пах аукался Ли Куо до сегодняшнего дня. От одной мысли об этой боли у него всё внутри закипало.

Су Мо понял: не вырваться. От удушающего страха сердце зачастило, он часто моргал, пытаясь унять дрожь.

— Ну что, пацаны, как нам этого калеку отделать? — Ли Куо вальяжно расставил ноги.

— Брат Ли, он же хлипкий совсем. Боюсь, с одного удара развалится, — заржал кто-то из шестёрок.

Ли Куо шагнул вплотную. Су Мо прижался к стене, боясь дыхнуть.

— Слушай сюда, немой. Если сейчас изобразишь мне собаку и полаешь — отпущу. Говорить не умеешь, так хоть потявкай: «ву-ву», «ав-ав»!

Переулок взорвался хохотом.

Су Мо захлестнула волна унижения. Да, он не владел речью, но за все годы, даже в самые страшные моменты, он никогда не издавал этих жалких звуков. Это заставляло его чувствовать себя ничтожеством.

«Лучше молчать с достоинством, чем скулить по-собачьи».

— Ну же, голос! — Ли Куо издевательски скривился. — Ты же от псины ничем не отличаешься.

Обида вытеснила страх. Су Мо гневно сверкнул глазами и с силой плюнул Ли Куо прямо в лицо.

«Мразь!»

Ли Куо оцепенел. Брезгливо вытирая слюну, он побагровел от ярости:

— Ах ты сука... Мочите его!

На Су Мо обрушился град ударов. Его валили, пинали, вбивали кулаками в грязь. Сквозь звон в ушах он слышал только бесконечное: «Немой... вонючий немой...»

Спустя вечность в переулке стало тихо. Кроваво-красные лучи заходящего солнца скользили по телу Су Мо, но он не чувствовал тепла. Превозмогая жгучую боль в каждой мышце, он с трудом поднялся на ноги.

Белая рубашка, в которой он вышел утром, была покрыта грязными отпечатками подошв. Лицо превратилось в месиво из синяков и ссадин.

Су Мо прислонился к стене, пытаясь отряхнуться, но он дрожал, а в груди клочкотали рыдания от невыносимого стыда. За всю жизнь он не чувствовал себя таким раздавленным. Ему хотелось провалиться сквозь землю, спрятаться ото всех.

Он подобрал обломки своего разбитого кассетного плеера и, волоча ноги, побрёл к дому. Шёл дворами, кругами, лишь бы не попасться на глаза матери у лавки.

Кое-как добравшись до подъезда, он замер. У машины, прислонившись к капоту, курил Хань Дун. Су Мо инстинктивно прикрыл лицо рукой и попытался шмыгнуть мимо, но было поздно.

— Су Мо?

Заметив, как тот вздрогнул, Хань Дун подошёл ближе. Су Мо отвернулся — он меньше всего хотел, чтобы Хань видел его таким.

— Ты чего прячешься? — Хань Дун окинул взглядом его одежду и обошёл спереди. Он бесцеремонно схватил его за запястье и отвёл руку от лица. — Что... Это кто тебя так? А?!

Су Мо опустил голову, не издавая ни звука. Хань Дун взял его за подбородок, заставляя поднять взгляд. Встретившись с этими глубокими, полными боли глазами, Су Мо не выдержал. Он задрожал, и в его глазах заблестели слёзы.

— Говори, кто это сделал? — голос Хань Дуна вибрировал от сдерживаемого бешенства.

Су Мо лишь всхлипнул, оттолкнул его и бросился в подъезд. Он не мог позволить кому-то видеть свою слабость. Хань Дун, словно поняв его горькую гордость, преследовать не стал.

Влетев в квартиру, Су Мо заперся в ванной.

Су Цзинь, услышав телефонный звонок, вышел из комнаты. Не успел он поднять трубку, как из динамика раздался ледяной голос Хань Дуна:

— Узнай, кто его избил.

— Что? О чём ты? — Су Цзинь опешил.

— Су Мо избил. Выспроси у него имя. Только не сразу... Ему сейчас паршиво. Очень.

Связь прервалась. Су Цзинь бросился к ванной, занёс руку, чтобы постучать, но вовремя осекся. Только через полчаса дверь открылась.

Увидев лицо брата, Су Цзинь едва не задохнулся от гнева:

— Кто, Мо? Кто это сделал?

Су Мо не поднял головы. Сил не было даже на жесты. Он прошёл мимо брата и упал на кровать, накрывшись одеялом с головой.

Су Цзинь заметил пятна крови на брошенной одежде. Сердце облилось кровью.

— Сяо Мо, ну скажи мне. Брат во всём разберётся. Только имя назови...

Тишина. Су Мо лежал неподвижно. Су Цзинь сел рядом, охраняя его покой.

— Сяо Мо! Сяо Мо! — в комнату вбежала перепуганная Су Моли. Су Цзинь приложил палец к губам и вывел мать в коридор.

— Соседи сказали, видели, как он весь в крови возвращался! Что случилось?!

— Пока не знаю, он молчит, — глухо отозвался Су Цзинь. — У него характер тяжёлый, сейчас лучше не лезть. Пусть поспит, потом спросим.

— Пойду бульон сварю, — Су Моли вытирала слёзы, и в её взгляде сверкнула сталь. — Кто бы ни тронул моего сына — я им этого не прощу!

<http://bllate.org/book/17506/1658861>